

видений” Богородицы он “правдиво слышалем” божественное повеление: “Афанасий, иди до Царя Михаила и рци ему: звитяжай неприатели наши; бо южь час пришол, мей образ Пречистое в кресте Купятицкий на хоругвях военных для милосердя; и в битви той каждого человека, мянующогося православным, здорово заховай”.¹ Тем самым идею вмешательства Москвы во внутренние дела Речи Посполитой, защиты национально-религиозных прав белорусского и украинского народов Филипович представляет как святое дело, получившее санкцию и одобрение Бога.² Воззрения мыслителя необходимо рассматривать в контексте социально-политической и религиозной действительности на белорусских и украинских землях конца XVI – первой половины XVII вв., которая характеризовалась беспрецедентным подавлением религиозной свободы, преследованиями и унижениями православного населения за вероисповедные убеждения, что обусловило размывание толерантной ментальности белорусского и украинского народов, рост нетерпимости в обществе, жесткие формы борьбы в период народных движений и войн середины – второй половины XVII столетия.

Общественно-политические противоречия в Речи Посполитой ярко проявились в период войны России с Речью Посполитой 1654 – 1667 гг. Социальная и национально-религиозная ситуация на белорусских землях первоначально способствовали военным успехам Москвы. В настроении широких слоев Восточной Беларуси, в сознании крестьянства, горожан, части шляхты присутствовал образ “царя-освободителя”. Представители белорусского духовенства, посещавшие Москву в начале 1650-х гг., рисовали картину жестоких притеснений православного населения властями Речи Посполитой, убеждали царя выступить в роли защитника, заверяя, что белорусы окажут его армии широкую поддержку. Характерным примером служат “расспросные речи” в Посольском приказе игумена полоцкого Воскресенского монастыря Анфиногена Крыжановского (1651). Игумен уверял, что Речь Посполитая и “папез” стремятся уничтожить “Русь”, “всех белорусцов снести и христианскую веру искоренить”, о чём “белорусцом всем ведомо подлинно”. Поэтому его “послали ко государю ис Полоцка все белорусцы... и велели ему бити челом государю, чтоб он, великий христианский государь, их, белорусцов, принял в свою государскую оборону, а ляхом их не выдал”, иначе “всем будет погибель”. Крыжановский предсказывал, что в случае вступления Алексея Михайловича в войну “белорусцы..., сколько их есть, все в те поры встанут на ляхов заодно” и “тех белорусцов зберетца со 100000 чел(овек).³ О готовности населения Беларуси “православные христианские веры” выступить совместно с украинским войском против польской шляхты заявлял в Посольском приказе в том же году монах оршанского Кутеинского монастыря Григорий: “Смоленского, и Оршанского, и Минского, и Могилевского, и иных городов всяких чинов люди подойдутца на поляков. И учинят у себя таких Хмельницких 10 чел(овек), а войска со 100000 чел(овек) и учнут Польшу и Литву воевать... против их, поляков, стоять и битца, пока их мочи будет”.⁴ Аналогичные сообщения о стремлении “белоруских людей... с лехи битца” и “быти под высокою рукою” русского царя исходили и от окружения Б.Хмельницкого: “... в литовских городех, в Могилеве и в иных городех, всякие люди благочестивые веры желают быти под высокою рукою великого государя нашего е(го) ц(арского) вел(ичества)”.⁵

На начальном этапе войны, начавшейся летом 1654 г., московские войска

1 Памятники полемической литературы в Западной Руси. Пб., 1878. Кн. 1 (РИБ. Т. 4). С. 50, 59.

2 Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. Мінск, 1990. С. 244-245.

3 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 53-54.

4 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 51.

5 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 59.

действительно получили поддержку значительной части населения Восточной Беларуси. Воевода И.И.Салтыков “отписывал” царю в июне 1654 г. о настроениях полочан: “... говорят – за что де им, полочанам, с твоими государевыми ратными людьми битца, они, полочане, той же православной христианской веры”.¹ “И меня, холопа твоего, и полковника Костянтина Поклонского могилевцы всяких чинов люди встретили честно, со святыми иконами, и пустили в город” – докладывал в августе воевода М.П.Воейков.² В военных донесениях королю Речи Посполитой в том же году сообщалось: “Одна надежда на господа бога... Здешние города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское”; “Мужики молят бога, чтобы пришла Москва”.³ Без боя сдались Дисна, Кричев, Орша, Полоцк и некоторые другие города. Из белорусского крестьянства, горожан и шляхты организовывались союзные русским войскам отряды, городская и сельская беднота вливалась в пришедшие с Украины казацкие загоны. Однако вскоре, примерно с конца 1654 г. стало наблюдаться изменение отношения народных масс Беларуси к царской армии. В ряде городов происходят антимосковские выступления, на Смоленщине, Мстиславщине, Полотчине, Могилёвщине, Витебщине и других землях возникают крестьянские отряды самообороны (“шиши”) – первые известные в истории Беларуси партизанские отряды. В обществе происходит раскол на перешедших на сторону России и нежелающих принимать русского подданства, сопротивляющихся “освободителям”, приведший к вооружённой борьбе между ними. В дальнейшем (1658–1661 гг.) развернулось массовое антимосковское движение.⁴

Этот процесс был обусловлен рядом обстоятельств, но прежде всего непоследовательной политикой Алексея Михайловича, поведением его администрации, действиями российских войск и союзных им украинских казацких отрядов, наёмников на занятой территории. Царское правительство декларировало неприкосновенность жизни и собственности перешедших под “высокую государеву руку”, горожанам выдавались “сберегательные” грамоты, разрешения на торгово-ремесленную деятельность и т.п. Однако реальностью для многих городов, местечек, сёл, населения всех конфессий стали самоуправство царских войск и военной администрации, грабежи, реквизиции и конфискации, мародёрство, массовое насильственное переселение жителей (“литовский полон”) в пределы России, недружественные акты в отношении православного духовенства, не говоря уже о других вероисповеданиях, оказавшихся “вне закона”. Это закономерно привело к утрате прежней широкой социальной базы и в конечном счёте повлияло на итоги войны России с Речью Посполитой.⁵

Изменение отношения белорусского мещанства к российской военной администрации может быть проиллюстрировано на конкретном примере поведения могилёвского “посольства”, находившегося в течение шести лет под властью России. Несмотря на добровольный переход в августе 1654 г. под “высокую государеву руку” и героизм, проявленный во время трёхмесячной осады города в 1655 г. войсками Радзивилла (“не хотя вашему царскому величеству изменниками быть, все сопца до обороны и бою пошли”⁶), царский воевода постоянно вмешивался в дела городского самоуправления. Московские служилые люди и украинские казаки занимались систематическими грабежами, подрывая благосостояние мещан. Потерпели даже церкви

1 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. С. 294.

2 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. С. 299.

3 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 69, 73.

4 Ткачоў М.А. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–67 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 195.

5 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. №№ 58, 63, 70, 76, др.;

Сагановіч Г.М. Невядомая вайна: 1654–1667. Мінск, 1995. С. 28-33; Ткачоў М.А. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–67 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 189-200.

6 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. С. 332.

и православная братская школа, имущество которых, книги, типография были вывезены в Россию.¹ Во время очередного мародёрства стрельцов в феврале 1661 г. в городе вспыхнуло антимосковское восстание, в ходе которого был уничтожен практически весь гарнизон, а взятые в плен царские сановники переданы властям Речи Посполитой. Снимая анафему, наложенную на восставший город московским патриархом Никоном, митрополит киевский и епископ моголиевский Иосиф Нелюбович-Тукальский заявил, что освобождает горожан “от всех клятв архиереев неналежащих, наипаче Московских, в епархию мою досыть неслушне выдирающихся...”² Тукальского трудно подозревать в особых симпатиях к Речи Посполитой, так как он преследовался польскими властями по обвинению в государственной измене и даже провёл несколько лет в заключении.³ Он относится к тем православным деятелям, которые выступали за самостоятельность белорусско-украинской церкви. Иной позиции придерживалась значительная часть низшего и среднего духовенства. Так, на решение моголиевчан сдать город (1654) большое влияние оказала агитация игумена Кутейнского монастыря Иоля Труцевича,⁴ настоятеля Спасского монастыря Иеремии.

Идею политической интеграции с Россией на начальном этапе войны разделяла и часть патриотически настроенной православной шляхты. Об изменении отношения к “великому государю” в этой среде свидетельствует поведение моголиевского шляхтича Константина Поклонского. Приняв в начале войны русское подданство и получив чин полковника, он способствовал добровольной сдаче Моголиева, Чаус, Кричева, других городов, формировал из местных уроженцев лояльный России белорусский казачий полк. В литературе в связи с этим высказывалось мнение, что Поклонский имел намерение создать на базе Моголиевского и Кричевского поветов “автономную единицу” в составе Русского государства, которой бы управляла шляхта с её “золотой вольностью”.⁵

В 1655 г. во время осады Моголиева Поклонский переходит на сторону Речи Посполитой. “Костентин Поклонский, не памятуя присяги своей... и нам всем изменяя, и с Радивилом снялся” – сообщало об этом царю моголиевское “посольство”.⁶ Объясняя в посланиях моголиевчанам, московским сановникам, украинским гетманам причины своего “двойного предательства”, “белорусский полковник” утверждал, что вначале миссию Москвы он считал справедливой, направленной на защиту единоверного белорусского населения: “Разумел есми, что та война имела быти на освобождение утисненной Руси... яко от государя христианского”. Однако время, по его мнению, показало ошибочность этих надежд. Белорусы получили “такое ж лупление домов Божиих, что и от Татар бывало: христиан наших, которые в повседневном гонении от унятих пребывали... в вечную неволю забрали, а иных помучили... не только мирских, но и духовных наших забрали в неволю”. “В лутчей вольности прежде за Ляхами пребывали...”, – утверждает Поклонский. Он пришёл к выводу, что многочисленные обещания христианского царя сохранить права и вольности были пустыми, ничего не значащими декларациями, а его войско относится к “освобождённой Руси” так же, как поступают завоеватели с поверженным неприятелем: “... золотые слова на листах шляхте и местом подавано, но их в вопасенье потом обращено, а самой шляхте и мещаном

1 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1889. Т. 14. С. 345-346; Опыт описания Моголиевской губернии. Моголиев-на-Днепре, 1882. Кн. 1. С. 53; Марзалок І.А. Магілёў у XII – XVIII стст. Людзі і рэчы. Магілёў – Мінск, 1998. С. 76-77.

2 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. С. 279.

3 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 244.

4 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 241-242.

5 Ткачоў М.А. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654 – 67 // Эндэклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 195.

6 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570 – 1667 гг.). Минск, 1963. С. 332.

железные волности на ногах надавали, жен и девиц их мучителски тиранско с ними поступа, на вечную неволю отдали, что не чинитца от поган...”.¹ По мнению Поклонского, продолжение “страшной войны” грозит “великим изгублением” белорусскому народу. Желая услужить “отчине”, “белорусский полковник” в послании к одному из московских вельмож предлагает свои посреднические услуги по примирению польского короля и русского царя, чтобы те “советом добрым кончили ту зачатую войну, и от тое крови христианской чтоб монархи были освобождены” и могли “далее в покое жить”. Выступая против продолжения войны между христианскими народами и странами, он высказывает мысль о необходимости объединения Варшавы и Москвы в борьбе с “неверными” турками и крымскими татарами: “... на неприятеля креста святого и всего христианства те силы свои обратить и освободить христьян из неволи турецкой и татарских рук”.² Такого рода настроение характерно и для Могилевской хроники. Так, в записи за 1695 г. летописец высказывает доброжелательное отношение к Ивану и Петру Алексеевичам в связи с Азовским походом, трактуя его как войну за освобождение “пребывающих под басурманами греко-россов”. Он считает, что Пётр I был движим не только “верой” и “милосердием христианским”, но и стремлением “исполнить справедливую присягу свою, данную королю пану и Речи Посполитой обоих народов”.³

Война 1654-1667 гг. существенно повлияла на сознание белорусского общества, значительно сократила число приверженцев идеи политической интеграции с Россией. Однако идея целесообразности государственного единения восточнославянских народов под эгидой Москвы по-прежнему присутствовала в национальном самосознании белорусов. Одним из сторонников этой идеи являлся Симеон Полоцкий, предпринявший попытку теоретического обоснования данной позиции. Идея “единодержавия” наиболее откровенно выражена мыслителем в полоцких и витебских “Метрах” (1656), приветственных стихах в честь царя Алексея Михайловича. “Метры на пришествие во град отчистый Полоцк пресветлого благочестивого и христоролюбивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержжцы...” были написаны Полоцким в соавторстве с игуменом полоцкого Богоявленского монастыря Игнатием Иевлевичем и дидаскалом братской школы Филофеем Утчицким и прочитаны 5 июля учениками братской школы. В них прославляется “Белая Русь” и российский самодержец: “Лобзает вся Росия, Белая з Малою, веры просветившися светом под тобою... Ты от нужды врагия избавил, Россию белу во свете поставил,.. прежде напастей бурею стемнелу и оскорблену”. Алексей Михайлович провозглашается “единым царём восточным”, “царём обладателем, дедичем милостивым”. Утверждаются древность и наследственный характер прав московского царя на земли “россов”, в том числе “отчынный Полоцк”, преемственность Киевской и Московской Руси: “Иже от Владимира наследне царствует, всю дедичным Русь правом слушне обиймует”. Военные действия России Полоцкий трактует как освободительную миссию, избавление единоверного белорусского населения “от поруганий, от бед”, притеснений со стороны “апостатов” (католиков и униатов).⁴ Аналогичные по содержанию “Метры” были оглашены в Витебске: “Радуйся, Белорусская земля, иж упадают ереси в тебе през Алексея пречь ищезают... Тот всем россом царь, князь и государь и обладатель, церкви же святой велий заступник и благодетель... Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшаго, белорусский же от нужды народ весь свободшаго”. Автор призывает соотечественников “не бояться” и “не

1 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1889. Т. 14. С. 542, 549-550.

2 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 122-123.

3 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 248.

4 Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 27-33.

устрашаться”, а признать государя, склониться перед царём “всех россов”, “великим князем всей российской земли дедича”, несущего “свободу”. Полоцкий подчёркивает принадлежность “белорусского народа” ко “всему роду российскому”, “белорусскую землю” рассматривает как часть “российской земли”.¹

Произведения мыслителя пронизаны идеей богоизбранности московского самодержца, война с Речью Посполитой объявляется богоугодным делом, священным божьей волей: “Богом нам даный православный царю, России всея верный господарю!”² В стихах “На счастливое возвращение его милости из-под Риги”, “Приветствие на взятие Дерпта”, “Приветствие избрания на польский престол”, “Стихи красогласнии ко пресветлейшему... Алексею Михайловичу” и других Полоцкий проводит мысль о том, что целью русского царя являются не территориальные захваты, а радение за чистоту православной веры³ “Прогнавы мрачны з Руси еретики, буди ж победах преславлен во веки!” “Буди Константин и Владимир миру, сотри кумира и прослави веру”, “Светом веры просветятся люде от тебе, царю”.⁴ Движимый идеей православного “царя-освободителя”, поэт пишет (“Желание творца”) о своем стремлении “царску славу возгласити по всей России и где суть словяне”.⁵ Не желающие признать власть московского самодержца могут, по его мнению, подвергнуться наказанию и быть принуждены к покорности силой: “победит враги, смирит супостаты, иже не хошчют за царя знати”.⁶

Оценка С. Полоцким войны России с Речью Посполитой явно контрастировала с подлинными целями русского самодержавия, но автор был искренне убеждён, что вхождение Беларуси в состав России является благом для белорусского этноса, условием его сохранения в обстановке усилившейся в Речи Посполитой в середине XVII в. католической реакции. По мнению С.А. Подокшина, Полоцкий “утратил всякую надежду на то, что национально-освободительное движение белорусского и украинского народов найдёт понимание у руководства Речи Посполитой”, и поэтому единственным выходом из создавшегося положения видел объединение с Россией в едином государстве.⁷

Историософские воззрения Полоцкого нашли последователей в отечественной мысли. Словучные идеи высказывал анонимный белорусский поэт, автор стихов “О взятии Смоленска”: Воюет ц(а)рь православный, царь Алексей Михайлович, восточного царства дедич. Идет Литвы воевати, свою землю очищати”.⁸ За присоединение Беларуси к России выступал видный деятель белорусской культуры Илья Кошневич. Этнографические источники XVII – XVIII вв. указывают на существование в сознании белорусов братского отношения к русскому народу, а также царистских иллюзий, надежды на помощь “единоверной Москвы” в освобождении от национально-религиозного притеснения: “Ой колыб, колы москали прышлы, москали прышлы – наши сродные, наши сродные, веры одныя! Добре нам было, счастно нам было: коли Русь уся, тримаючися, одной силой за одно была”.⁹ Во второй половине XVIII в. эти настроения были использованы при разделах Речи Посполитой и включении белорусских земель в состав России.

1 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 228-229.

2 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 455.

3 Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 33-40, 392 (коммент.); Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 454-459.

4 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 455, 456; Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 36.

5 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 253.

6 Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 41.

7 Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. Мінск, 1990. С. 249.

8 Цит. по: Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традывычэй. Мінск, 1980. С. 61-62.

9 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 463.